

Константин ИЛИЕВ

НИРВАНА

Пьеса в двух частях

Перевод с болгарского Елены Фалькович

Действующие лица:

МУЖЧИНА

ЖЕНЩИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лампа с большим зеленым абажуром освещает часть маленького кабинета. В левом углу - тахта, возле нее столик, на котором стоит лампа; тут же, ближе к столику, фронтально к публике - дверь, возле нее - письменный стол. Справа еще одна дверь. Возле стула – табуретка. На тахте, полуукрывшись одеялом, лежит мужчина лет тридцати пяти, в руках у него книга. Голова и плечи его опираются о стену с висящим на ней ковром. Глаза у него смотрят не в книгу, а куда-то в сторону, в руке дымится сигарета. Мужчина тушит сигарету, наклоняется к лампе с зеленым абажуром, и комната погружается в мрак.

Слышится мелодичный звон часов, потом яркий свет обливает небольшой кабинет. У двери справа стоит женщина лет

тридцати в черном нарядном платье. Мужчина приподнимается и снова опирается головой и плечами о стену. Из заднего кармана брюк, перекинутых через спинку стула, женщина вынимает револьвер, направляет его на мужчину. Он молча смотрит на нее. Женщина опускает руку, снова кладет револьвер в карман брюк и выходит. Мужчина приподнимается, и, опираясь одной рукой на ночной столик, протягивает другую к выключателю у двери, и в комнате становится темно.

И снова - яркий свет. Теперь женщина держит в руке развернутую газету. Она опирается спиной о дверную раму. Мужчина снова опирается головой и плечами о стену.

ЖЕНЩИНА. Я кое-что прочту тебе из этой газеты. Заглавие: "Неужели это было революция?" (*Читает.*) "Султан Абдул-Хамид пытается восстановить прежний статус. Султан арестован и отправлен в Салоники на виллу „Алатыни” вместе с четырьмя женами из его гарема...”

Мужчина зажигает сигарету.

Остальным семистам сорока шести женам из его старого гарема... (*пауза*)... семистам сорока шести женам из его старого гарема назначена правительственная пенсия размером в тринадцать тысяч лир ежегодно». Что скажешь?

Мужчина молчит. Женщина складывает газету, резким движением швыряет ее на письменный стол и выходит. Мужчина продолжает курить. Женщина снова входит и становится у стены справа.

Я написала открытку Саре Бернар. О твоей пьесе я ничего не упомянула.

МУЖЧИНА. Тебе не спится?

ЖЕНЩИНА. Если ей понравится роль, она сама станет говорить.

МУЖЧИНА. С кем она станет говорить?

ЖЕНЩИНА. Со мной.

МУЖЧИНА. И что ты себе воображаешь? Что я сейчас же вскочу,

упаду на колени и закричу: нельзя, не уезжай в Париж!

ЖЕНЩИНА. Даже если и упадешь на колени, я все равно поеду.

МУЖЧИНА. Ну и езжай, кто тебе мешает...

ЖЕНЩИНА. Я и сестре написала. Чтобы та наняла две комнаты в том же доме, где она живет.

МУЖЧИНА. Когда уходит твой поезд?

ЖЕНЩИНА. В воскресенье. В воскресенье, во второй половине дня.

МУЖЧИНА. Да оно и времени-то не осталось. Надо будет завтра послать бай Иордана с запиской к капитану Попову, чтобы тебе поскорее выдали паспорт.

ЖЕНЩИНА. А капитан Попов уважит твою записку?

МУЖЧИНА. А почему бы и нет?

ЖЕНЩИНА. Потому что он офицер! Офицер, а не какая-нибудь студентка или гимназистка, чтобы слать ему записки.

МУЖЧИНА. Я скажу бай Иордану, чтобы он объяснил ему.

ЖЕНЩИНА. Что объяснить?

МУЖЧИНА. Что тебе надо как можно скорее уехать.

ЖЕНЩИНА. Капитан Попов лично принесет мне паспорт. Он командовал караулом перед нашим домом в девяносто первом году.

МУЖЧИНА. Мне хочется спать.

ЖЕНЩИНА. Спи. Кто тебе мешает? *(Пауза.)* Может, обдумаем, что делать с горничной, когда я уеду?

МУЖЧИНА. Не будем.

ЖЕНЩИНА. Почему?

МУЖЧИНА. Потому что ты никуда не поедешь.

ЖЕНЩИНА. Продают замечательные калоши на „Клементине” напротив Национального музея. Я пошлю горничную за калошами.

МУЖЧИНА (*смотрит на карманные часы*). Остается всего пять часов...

ЖЕНЩИНА. Если хочешь, пошлем одну или две пары твоей сестре?

МУЖЧИНА. Через пять часов я должен быть на заседании. Будем распределять роли. Мне нужно вовремя встать.

ЖЕНЩИНА. Я спрашиваю - послать ли пару калош твоей сестре!

МУЖЧИНА. У меня две сестры.

ЖЕНЩИНА. Пошлю обеим.

МУЖЧИНА. Может ты снимешь наконец это платье?

ЖЕНЩИНА. Почему я должна снять платье?

МУЖЧИНА. Потому что уже два часа ночи.

ЖЕНЩИНА. Возьми ножницы и подрежь ногти.

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. Ногти подрежь! На ногах.

МУЖЧИНА. Что ногти? Я был в бане сегодня.

ЖЕНЩИНА. Что ты думаешь - на кого ты похож с такими ногтями? На Змея Горыныча?

МУЖЧИНА. Что тебе мешают мои ногти?

ЖЕНЩИНА. Длинные. Разве ты не видишь, какие они длинные?

МУЖЧИНА. Нельзя их подрезать больше.

ЖЕНЩИНА. Потому что ты не подрезал их, когда надо было.

МУЖЧИНА. Снимай платье и ложись.

ЖЕНЩИНА. Теперь я понимаю, что тетя Мариола была права.

МУЖЧИНА. Кто?

ЖЕНЩИНА. Тетя Мариола. Она говорила, что ты похож на змею.

МУЖЧИНА. Нет, не так. Она говорила, что я похож на цыгана.

ЖЕНЩИНА. Кожа у тебя такая, желтая и зеленая. А белки и те не белые, а желтые...

МУЖЧИНА. Это от лампы.

ЖЕНЩИНА. Нет, не от лампы. Днем ты все равно желто-зеленый.

МУЖЧИНА. Твоя тетя Мариола похожа на борова.

ЛЕЩИНА. Ты будешь лежать тут желто-зеленым и с этими длинными ногтями, а я снимай платье! Не могу я его снять.

МУЖЧИНА. Иди туда, в спальню. Зачем ты пришла сюда?

ЖЕНЩИНА. И в спальне не могу.

МУЖЧИНА. Ты так меня ненавидишь?

ЖЕНЩИНА. Не могу спать со змеей под одной крышей.

МУЖЧИНА. Почему не завяжешь мне глаза? Завязывай мне глаза, когда мы идем в гости, да веди меня как слепого.

ЖЕНЩИНА. Другие мужчины не были с завязанными глазами, но они не смотрели так.

МУЖЧИНА. Как я смотрел? *(Пауза.)* Она сидела передо мной, как же я мог не смотреть? *(Пауза.)* И я тебе объяснил, что когда я думаю о чем-то, я так смотрю. Смотрю и не вижу. Я о чем-то думал.

ЖЕНЩИНА. О чем ты думал?

МУЖЧИНА. И в Княжево с двумя студентками то же самое было. Я же говорил тебе: думал о чем-то своем. И не видел их.

ЖЕНЩИНА. А платок?

МУЖЧИНА. Что - платок?

ЖЕНЩИНА. Сколько раз ты бросал ей платок на колени!

МУЖЧИНА. Не кричи, разбудишь горничную.

ЖЕНЩИНА. Четыре раза. Четыре раза подряд.

МУЖЧИНА. Ну не я же придумал эту дурацкую игру. Вроде бы взрослые люди - сидим и бросаем туда-сюда завязанный платок.

ЖЕНЩИНА. Но тебе эта игра нравилась. Надо же - четыре раза! Подряд...

МУЖЧИНА. Она сидела напротив меня. Куда я должен был бросать платок?

ЖЕНЩИНА. Я тоже сидела напротив тебя.

МУЖЧИНА. Ты не сидела напротив. Ты сидела возле меня, в кресле.

ЖЕНЩИНА. Ты даже и не заметил. Как только игра началась, я пересела. Я села рядом с ней, на тахту.

МУЖЧИНА. Значит, я не заметил. Да.

ЖЕНЩИНА. Конечно, как тут заметить! Вы ничего не замечали! Всем нам надо было бы выйти из комнаты и оставить вас вдвоем.

МУЖЧИНА. Я ее не могу терпеть. Понимаешь, что я тебе говорю? Не могу терпеть. Она пустая, и глупая, и . . .

ЖЕНЩИНА. И что?

МУЖЧИНА. И сто раз я говорил тебе: не приглашай ее к нам.

Зачем ты все время приглашаешь ее к нам?

ЖЕНЩИНА. Чтоб ты не скучал. Когда она здесь, ты всегда в хорошем настроении.

МУЖЧИНА. Ты очень хорошо знаешь, что это не так.

ЖЕНЩИНА. И сегодня вечером у Тиховых ты был в очень хорошем настроении. Счастливый такой, возбужденный.

МУЖЧИНА. Я сегодня весь день такой. Не только вечером. Весь день.

ЖЕНЩИНА. Почему?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Потому что ты знал, кто придет к Тиховым.

МУЖЧИНА. Я вообще забыл, что мы вечером идем к Тиховым. К шести мы с Кириллом Христовым вышли из театра. Встретили профессора Михалчева и Асена Златарова. С женами они были. Мы поговорили. Потом опять пошли с Кириллом Христовым по улицам.

ЖЕНЩИНА. Ну и что?

МУЖЧИНА. Ничего. Приятно было.

ЖЕНЩИНА. Что было приятно? Эти грязные софийские улицы?

МУЖЧИНА. Почему грязные? Снегом покрытые.

ЖЕНЩИНА. Или Кирилла Христова длинный нос? Ты же его не выносишь!

МУЖЧИНА. Это дело прошлое. Сейчас мы вместе будем издавать журнал.

ЖЕНЩИНА. Значит, снег и Кирилл Христов. И журнал. А то, что в театре играют твою новую пьесу?

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. Это тебе не приятно?

МУЖЧИНА. Приятно.

ЖЕНЩИНА. И что на тебя заглядываются студентки. И шлют тебе анонимно открытки по почте. И цветы. Это тебе не приятно?

Мужчина поворачивается спиной к женщине. Укрывается с головой одеялом.

Пауза.

Женщина садится на табуретку. Достает револьвер из кармана перекинутых через спинку стула брюк. Держит его в руках.

МУЖЧИНА. Лора!

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Ты этой ночью сколько раз входила в мою комнату?

ЖЕНЩИНА. И почему мне не войти?

МУЖЧИНА. Ты трогала револьвер?

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. А мне показалось недавно, что ты достала револьвер и направила его на меня.

ЖЕНЩИНА. Показалось?

МУЖЧИНА. Меня весь потом облило. Еще весь в поту.
(Отбрасывает одеяло, приподнимается.)

ЖЕНЩИНА *(кладет револьвер на сиденье стула)*. Не пей так много вина.

Перекинутые через спинку стула пиджак и брюки не позволяют мужчине увидеть револьвер. Он не увидит его до конца этой части пьесы, хотя женщина несколько раз будет брать револьвер в руки.

МУЖЧИНА. Я не пил. Не больше чем другие. Не пил.

ЖЕНЩИНА. Значит я вынула револьвер и направила его на тебя?

МУЖЧИНА. Однажды вечером сидели мы так с сестрами на чердаке, и вдруг мне почудилось, что какие-то девушки в белом пляшут в саду, танцуют и умирают от смеху. И я вдруг закричал. На другой день меня залихорадило, и я лежал в большой комнате. Мама перекопала то место, посыпала его сахаром. И обкадила первоцветом. Потом вошла в комнату, положила мне на лоб платок, смоченный уксусом, и сказала: „Мы их отослали плясать за тридевять земель, на кудыкину гору.”

ЖЕНЩИНА. Бедный Пейо...

МУЖЧИНА. Насмехаешься?

ЖЕНЩИНА. Зачем мне насмеяться над тобой?

МУЖЧИНА. Прости за...

ЖЕНЩИНА. За что?

МУЖЧИНА. За то, что я был резок с тобой у Тиховых.

ЖЕНЩИНА. Я только хотела посмотреть одну книгу на этажерке.

МУЖЧИНА. Нельзя так поворачиваться спиной к компании.

ЖЕНЩИНА. У меня была на то своя причина.

МУЖЧИНА. Что за причина была у тебя?

ЖЕНЩИНА. Твой отец избивал твою мать, когда она еще была жива?

МУЖЧИНА. Неужели хочешь сказать, что собираюсь бить тебя?

ЖЕНЩИНА. То, что ты сделал, гораздо хуже.

МУЖЧИНА. Я сказал тебе только, чтобы ты положила книгу и вернулась к нам.

ЖЕНЩИНА. Но каким тоном ты это сказал?

МУЖЧИНА. Мне тридцать шесть лет. Я не могу стать иным.

ЖЕНЩИНА. Не можешь и не хочешь.

МУЖЧИНА. И не хочу. Потому что ты первая первая, которая мне сказала, что я грубый человек. До сих пор мне никто не говорил этого.

ЖЕНЩИНА. Не говорил или не говорила?

МУЖЧИНА. Пусть так. Не говорила.

ЖЕНЩИНА. Естественно!

МУЖЧИНА. Что - естественно?

ЖЕНЩИНА. Ты не был женат. А о культуре мужчины можно судить по тому, как он относится к собственной жене. С чужой женой и дикарь любезен.

МУЖЧИНА. В чем еще обвинишь меня в эту ночь? Что еще ты мне скажешь?

Женщина поднимает револьвер с сиденья, он лежит на ее ладони параллельно сиденью. Она двигает рукой вверх и вниз, как будто взвешивает его.

Я провинциал. Я не учился пять лет во Франции и в Англии.

ЖЕНЩИНА. Два. Два года.

МУЖЧИНА. Меня не воспитывали гувернантки...

ЖЕНЩИНА. У меня не было гувернантки.

МУЖЧИНА. И мое детство не прошло среди министров и дипломатов! Когда я в первый раз ехал в Париж, какие-то немцы осмеяли меня в Мюнхене, в одной закускойной. Недалеко от вокзала. Потому что, видишь ли, я не туда повесил шляпу и пальто. А одна

немка из них стала кричать на меня как на животного, я так и не понял за что - я ведь не знаю их собачьего языка. И теперь, когда я проезжаю через Германию, я чувствую себя как напуганный заяц. Ты думаешь, я не помню, как официанты кланялись тебе в том ресторане на „Сент-Мишели”, а на меня смотрели как на дикую обезьяну из Ориента? Я сам знаю, что неуклюжий...

ЖЕНЩИНА. ...что не помешало тебе явиться в ресторан на „Сент Мишели” с той русой проституткой и чувствовать себя по меньшей мере Александром Македонским.

МУЖЧИНА. Да, миледи. Я достаточно высокого о себе мнения. И оно будет у меня всегда, даже если все твои Пенчо Славейковы и доктор Крыстевы и Петко Годоровы соберутся вместе и обзовут меня чирпанским цыганом!

ЖЕНЩИНА. Как ты смеешь говорить против Пенчо Славейкова?!

МУЖЧИНА. Я буду говорить то, что хочу! А ты будешь слушать, потому что все вы одинаковы!

ЖЕНЩИНА. Ты . . . неблагодарный человек!

МУЖЧИНА. Лучше помолчи, если ничего не знаешь.

ЖЕНЩИНА. Пенчо Славейков дал тебе имя! Пенчо Славейков окрестил тебя Яворовым. Кем бы ты был без Пенчо Славейкова и без доктора Крыстева?

МУЖЧИНА. Ты не говори мне, кто такой Пенчо Славейков. Если есть потусторонний мир, я и там последую за его тенью, сниму перед ним шляпу и так закричу, что все усопшие услышат: „Смотрите, что за чудо родила Болгария!”

ЖЕНЩИНА. Он ставил тебя выше Вазова!

МУЖЧИНА. Ну и что?

ЖЕНЩИНА. Как – что?

МУЖЧИНА. Не заставляй меня вилять хвостом и вставать на задние лапы только потому, что кто-то сказал: „Ты щенок, но немного больше других щенков”.

ЖЕНЩИНА. Пенчо Славейков никогда не считал тебя щенком.

МУЖЧИНА. Я для него не был человеком из общества. Я для него был парень из Чирпана, которого господь одарил талантом, да не дал ему отца и матери, которые научили бы его как изъясняться и развлекать публику, пока распивает кофе в салонах софийских ничтожеств.

ЖЕНЩИНА. Значит, я виновата перед тобой. И Пенчо Славейков виноват. И доктор Крыстев за то, что вытащил тебя из провинции и сделал из тебя то, что ты сейчас есть.

МУЖЧИНА. И что я есть теперь? Да я готов отдать все, что имею, только бы вернуться в Анхиало, если бы это было возможно. . .
Ничего я не хочу. Только ту комнату.

ЖЕНЩИНА. Какую комнату?

МУЖЧИНА. Комнату. Со столом и кроватью. И одним стулом. А за окном смоковница росла. Когда я садился за стол, я закрывал окно, чтобы не влетали осы. Они прилетали из-за смоковницы.

ЖЕНЩИНА. И что ты будешь делать в этой комнате?

МУЖЧИНА. То же самое, что и тогда. „Тень” меня называли. Потому что я ни с кем не виделся. С телеграфа - прямо к себе домой. Только вечером, когда уже никого не было, я шел к морю. И снова за стол. „Тень” меня называли.

ЖЕНЩИНА. Ну, так напиши письмо в Анхиало. Может там опять есть вакантное место на телеграфиста. Или стань тут телеграфистом! *(Пауза.)* Моря сюда привезти не могу тебе, да смоковницу прикажу посадить внизу. *(Пауза.)* Ты неблагодарный человек. Я ото всего отказалась. Не пишу. Не играю. Самых близких людей стала сторониться тебя ради. Что тебе еще нужно?

МУЖЧИНА. Комната. Комната с четырьмя стенами.

ЖЕНЩИНА. А что, у этой – пять?

МУЖЧИНА. И без дверей.

ЖЕНЩИНА. Чтобы я не могла войти?

Пауза.

(Снова кладет револьвер на ладонь, будто проверяя его вес.)

У тебя было много холостых квартир. Ты чувствовал себя там лучше? Со сломанной кроватью и одним гвоздем, забитым в стене, чтобы вешать туда шляпу. Там тебе было лучше?

МУЖЧИНА. Плохо мне было. В самом начале.

ЖЕНЩИНА. Какое начало?

МУЖЧИНА. Когда я приехал в Софию.

ЖЕНЩИНА. Но ведь у тебя, кажется, была красивая хозяйка? На „Пиротской” улице или на улице Марии Луизы?

МУЖЧИНА. Я жил на улице Антима Первого, за баней. А хозяйка у меня была дряхлая и глухая. И злая.

ЖЕНЩИНА. Зато квартал был хороший. С самыми грязными развратными притонами Софии. И что там тебе не нравилось?

МУЖЧИНА. София мне не нравилась.

ЖЕНЩИНА. Тогда почему бы тебе не вернуться в Чирпан? Будешь собирать виноград и продавать вино в лавке твоего отца.

МУЖЧИНА. Замолчи! Только Чирпан не трогай! И моих.

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Не позволю.

ЖЕНЩИНА. Да ты просто лицемер! За эти десять или пятнадцать лет, что ты в Софии, сколько раз ты съездил в Чирпан?

МУЖЧИНА. Замолчи!

ЖЕНЩИНА. Один раз. На похороны матери.

МУЖЧИНА (*закуривает сигарету*). Неправда.

ЖЕНЩИНА. Что тебя так сильно задерживало в Софии? (*Пауза.*)
Если бы она была жива и сидела тут, на моем месте, ты бы и ей
сказал, что готов теперь все бросить и вернуться в Чирпан?

МУЖЧИНА. Кто? Кто если бы был жив?

ЖЕНЩИНА. Она.

МУЖЧИНА. Оставь усопших в покое.

ЖЕНЩИНА. Я не о твоей матери говорю.

МУЖЧИНА. Когда я говорил, что поеду обратно в Чирпан?

ЖЕНЩИНА. Ну, хорошо. Не в Чирпан – в Анхиало. Если бы она
была жива и сидела бы сейчас здесь, ты сказал бы ей: „Я готов
бросить все и опять стать телеграфистом в Анхиало”?

МУЖЧИНА. В ящике есть снотворное. Прими таблетку и тебе
захочется спать.

ЖЕНЩИНА. Только это я хотела бы от тебя услышать.

МУЖЧИНА. Что именно?

ЖЕНЩИНА. Если бы она...

МУЖЧИНА. Кто она?

ЖЕНЩИНА. Барышня.

МУЖЧИНА. Не называй ее „барышней”.

ЖЕНЩИНА. А что плохого я сказала?

МУЖЧИНА. У нее свое имя.

ЖЕНЩИНА. Не хочу его произносить.

МУЖЧИНА. Хотя бы мертвых уважай.

ЖЕНЩИНА. Не хочу его произносить. Я ее любила.

МУЖЧИНА. Тогда оставь ее в покое. Оставь. Говори о чем-нибудь другом. Например, об этом вечере. Спроси! Спрашивай еще. Против кого из женщин я сидел. Как на кого из них я смотрел. Спрашивай еще.

ЖЕНЩИНА. Ты сказал: я готов бросить все, что у меня есть, и вернуться в Анхиало. А что у тебя есть?

МУЖЧИНА. Ничего.

ЖЕНЩИНА. Неужели?

МУЖЧИНА. Два костюма. Три ружья. И ранец.

ЖЕНЩИНА. Ружья – македонцев.

МУЖЧИНА. Ну, значит, у меня ничего нет.

ЖЕНЩИНА. А я думала, что у тебя есть жена.

МУЖЧИНА. Лучше бы я не написал те три книги стихов. И пьес бы лучше не было. И театра лучше бы не было – да, и театра. Но чтобы я остался таким, каким был в Анхиало. Вот это я хотел сказать.

ЖЕНЩИНА. Не театр тебе мешает! Я. Я тебе мешаю.

МУЖЧИНА. Ты трогала револьвер?

ЖЕНЩИНА. Я уже сказала тебе.

МУЖЧИНА. Нет, не говорила.

ЖЕНЩИНА. Кроме тех в белых рубашках, которые плясали у вас во дворе, еще что-нибудь чудилось тебе когда-нибудь?

МУЖЧИНА. Почему ты спрашиваешь?

ЖЕНЩИНА. Потому что мы уже год как женаты, а я ничего о тебе не знаю.

МУЖЧИНА. Я все тебе рассказал.

ЖЕНЩИНА. Ты ничего мне не рассказываешь. Я сижу перед тобой как в приемной – и жду. А господин не принимает.

МУЖЧИНА. Христо Ботев.

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Христо Ботев. Мне почудилось, что его вижу.

ЖЕНЩИНА. Почему?

МУЖЧИНА. Не знаю. Это всегда происходит весной. В мае. Наверняка это какая-то болезнь.

ЖЕНЩИНА. Ну и что?

МУЖЧИНА. И ничего. Стоит возле меня и смотрит на меня. Я сплю, он входит, встает у постели и смотрит на меня.

ЖЕНЩИНА. Да как же это? С бородой, и с ружьем и с саблей?

МУЖЧИНА. Я ж говорю тебе. Христо Ботев. Без ружья и без сабли. В сапогах. Я сперва это сапоги видел. Открываю глаза и вижу – чьи-то сапоги передо мной.

ЖЕНЩИНА. А он сказал что-нибудь?

МУЖЧИНА. Ничего не сказал. Только дважды протягивал руку, хотел схватить меня.

ЖЕНЩИНА. Надо было мне купить себе очки и целую кучу книг и поступить в Сорбонну.

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. И после того как вернуться сюда, навести порядок в этой проклятой болгарской литературе.

МУЖЧИНА. Почему – проклятая?

ЖЕНЩИНА. И почему же ни один человек не написал ничего

толкового о тебе! Чтоб ты сам, наконец, понял кто ты и какой ты.

МУЖЧИНА. Я знаю кто я и какой я.

ЖЕНЩИНА. Зачем же ты тогда изображаешь из себя Христо Ботева?

МУЖЧИНА. Никого не изображаю.

ЖЕНЩИНА. А почему он тебе все снится?

МУЖЧИНА. Он мне не снится. Это происходит наяву. Болезнь какая-то наверное. И было это много лет назад.

ЖЕНЩИНА. А почему именно Христо Ботев?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Христо Ботев написал двадцать стихотворений и пошел резать турок в Балканах. И ты – написал девятнадцать или сколько там – и давай с головорезами по Македонии.

МУЖЧИНА. Лора!

ЖЕНЩИНА. И хоть бы зарезал кого-нибудь.

МУЖЧИНА. И он не резал.

ЖЕНЩИНА. Да, хоть в этом вы похожи.

МУЖЧИНА. Не разрешаю тебе называть их головорезами.

ЖЕНЩИНА. Это ты их назвал так.

МУЖЧИНА. Я могу. Ты – нет.

ЖЕНЩИНА. Напомнить тебе, как ты вернулся из Салоник и велел мне запереть ружья и ранцы, потому что от них душа твоя чувствовала отвращение.

МУЖЧИНА. Так я ж с войны возвращался. Как же не чувствовать отвращение.

ЖЕНЩИНА. Это было смешно. Как подумаю сейчас, это было очень смешно.

МУЖЧИНА. Это война смешна?

ЖЕНЩИНА. Ты мне пишешь прощальное письмо, как будто ты на пароходе „Радецки”. И о Петко упомянул, так же, как Христо Ботев упомянул тех детей. А я изображаю Венету Ботеву!

МУЖЧИНА. Ты может быть и изображала, я никого не изображал.

ЖЕНЩИНА. И эти четники в Самокове...

МУЖЧИНА. А что - четники?

ЖЕНЩИНА. Эти цирюльники и возчики, бросившиеся пить и грабить.

МУЖЧИНА. Кто тебе говорил такое о четниках?

ЖЕНЩИНА. Ты.

МУЖЧИНА. Ты почему встала с места?

ЖЕНЩИНА. А почему бы мне не встать?

МУЖЧИНА. Стоит мне сейчас закрыть глаза и подумать о том, что мне дороже всего на свете и о чем я буду жалеть, когда придется умирать, так вот это – Македония. И первого человека, которого я буду искать в мире ином, если есть этот иной мир, - это Гоце.

ЖЕНЩИНА. Я не о Гоце говорю.

МУЖЧИНА. И он так вот встретит меня там – с тремя подснежниками. Три подснежника сорвал он и дал мне, потому что был очень доволен первым номером газеты „Свобода или смерть”. Мужчина с двумя пистолетами за поясом. И с кинжалом. И с тремя подснежниками.

ЖЕНЩИНА. Я не о Гоце говорю.

МУЖЧИНА. Христо Чернопеев хранил сто пять килограмм золота - это был выкуп за мисс Стоун и за госпожу Цилку, и не взял ни

грамма для своей жены. А тем временем жена его и четверо детей умирали с голоду в Северной Болгарии. Крыстьо Асенов пешком дошел до Софии, попросил у сестры десять левов на поезд в Кюстендил. И он тоже не прикоснулся к золоту. Так кого же ты называешь вором и убийцей?

ЖЕНЩИНА. А зарезанные в Мехомии? А грабежи в Кавале?

МУЖЧИНА. Я говорю о девятьсот третьем!

ЖЕНЩИНА. А я говорю о том, что происходит сейчас!

МУЖЧИНА. Что сейчас? Сейчас война, а не революция.

ЖЕНЩИНА. И революцию если бы вы сделали, все равно умирали бы невинные люди. Я знаю, что такое революция!

МУЖЧИНА. От французских монахинь в пансионе? Это они вас учили, что такое революция?

ЖЕНЩИНА. Ты, наверное, забыл кем был мой отец!

МУЖЧИНА. Не хочешь ли ты сказать, что он революционер?

ЖЕНЩИНА. И дядя мой, по-твоему, тоже не был революционером?

МУЖЧИНА. И твоя мать. И твой двоюродный брат Рашко. И генерал Рачо. И генерал Цончев. И царь Фердинанд со всеми его дворцами и каретами. Все они – революционеры.

ЖЕНЩИНА. Я говорю о Любене Каравелове. Я не о царе говорю.

МУЖЧИНА. Что у тебя общего с Любеном Каравеловым? Кроме имени.

ЖЕНЩИНА. Никто из моих близких не был царедворцем!

МУЖЧИНА. Гоце умер в отчаянии. Когда он, улыбаясь, встретил меня с тремя подснежниками возле той скалы, он уже был отчаянным человеком.

ЖЕНЩИНА. Даже моя мать.

МУЖЧИНА. Где есть какое животное в Болгарии, в мундире или без мундира - норовит слюни пускать о свободе Македонии...

ЖЕНЩИНА. То, что ее раз-другой приглашали во дворец, еще ничего не значит!

МУЖЧИНА. От Петербурга и до самого Лондона всяк кому не лень пошел корзины плесть из македонских ребер - что мог сделать один Гоце?

ЖЕНЩИНА. А ты вообще знаешь что за люди собирались у генерала Лермонтова?

МУЖЧИНА. Какой генерал? Какой Лермонтов?

ЖЕНЩИНА. Генерал Лермонтов. Родственник поэта. Я сто раз говорила тебе, что моя мать жила у них в Москве. И встречалась там с Софьей Перовской и с Наталией Армфельд.

МУЖЧИНА. Ну и что?

ЖЕНЩИНА. Это же революционерки.

МУЖЧИНА. У генерала?

ЖЕНЩИНА. Я же тебе объясняю.

МУЖЧИНА. Что ты мне объясняешь?

ЖЕНЩИНА. Генерал Лермонтов. У него собирались.

МУЖЧИНА. Кто собирался?

ЖЕНЩИНА. Эти. Революционеры.

МУЖЧИНА. Ты не объясняй мне, что какой-то русский генерал может быть революционером, потому что я сейчас возьму эту лампу и хрястну ее об землю!

ЖЕНЩИНА. А лампа чем виновата?

МУЖЧИНА. Ведь потому и произошла та трагикомедия в

Македонии, потому что софийские генералы стали корчить из себя революционеров!

ЖЕНЩИНА. Трагикомедия?

МУЖЧИНА. Генерал - революционер!

ЖЕНЩИНА. Не вижу ничего трагикомического во всем этом, кроме нас с тобой.

МУЖЧИНА. Не видишь - потому что не была там.

ЖЕНЩИНА. Да, я была здесь. Но не думаешь ли ты, что мне было легче целый год смотреть, как ты пыхтишь и стонешь над картой.

МУЖЧИНА. Это же болгарские города и села... Там остались болгары.

ЖЕНЩИНА. Ну, знаешь - хватит!

МУЖЧИНА. Что – хватит!

ЖЕНЩИНА. Целый год - наступления, отступления, подсчеты, переговоры, уговоры! С сербами мы были братья, с греками тоже были братья. И что же? Сербы стали разбойниками, и греки тоже стали разбойниками. А самые большие разбойники - румыны. Теперь с турками будем братья... Надоело.

МУЖЧИНА. И мне надоело. Иди ложись и спи!

ЖЕНЩИНА. А то, что я переживаю трагедию, - тебя это не интересует. Моя трагедия тебя не интересует!..

МУЖЧИНА. Пойми - это катастрофа для Болгарии. Что делать, если я не могу спать, не могу писать. Ничего не могу. Пять государств против несчастной Болгарии.

ЖЕНЩИНА. Когда началась большая драка за Македонию, ты говорил, что надо что-то делать.

МУЖЧИНА. Да, говорил. Говорил, что надо что-то делать.

ЖЕНЩИНА. Вот - сделали. Довели до катастрофы!

МУЖЧИНА. Я, что ли, виновен в этой катастрофе? Десять лет назад, когда я ходил по Македонии, я призывал к социальной революции, а не к войне!

ЖЕНЩИНА. А когда ты отправился под Кюстендил радоваться шрапнелям...

МУЖЧИНА. Что-что?

ЖЕНЩИНА. Да-да, два месяца назад!

МУЖЧИНА. Ничему я не радовался! Это были самые черные дни в моей жизни...

ЖЕНЩИНА. Зачем же тогда ты поехал туда?

МУЖЧИНА. А что я должен был делать? Сидеть тут около твоей юбки?

ЖЕНЩИНА. Но ведь это не революция была.

МУЖЧИНА. Я ни одной строки не написал о войне... Я не написал ни одного патриотического стихотворения.

ЖЕНЩИНА. Ну и что с того, что не написал?

МУЖЧИНА. Другие писали.

ЖЕНЩИНА. Тогда спи. Раз у тебя совесть чиста. Почему не спишь?

МУЖЧИНА. Вертится у меня в голове песня одна.

ЖЕНЩИНА. Ну так пиши! Вот тебе чернильница.

МУЖЧИНА. Я услышал ее десять лет назад - когда возил с собой на лошади печатный станок по всей Македонии...

ЖЕНЩИНА. Я, что ли, мешаю тебе?

МУЖЧИНА. Ее пел один парнишка из Кукуша. "Девушка, девушка, красавица девушка! Летняя ромашка, зимняя фиалка! Что так рано расцвела ты, перед праздником великим, рано перед Пасхой

расцвела ты, перед скорбным воскресеньем". .

ЖЕНЩИНА. Ненавижу я эту Македонию!

МУЖЧИНА. Когда я входил в чей-нибудь дом, девушка подносила мне яблоко. Хозяин нальет одну-две рюмки ракии, кофе сварят, а если есть в доме девушка, она поднесет мне красное яблоко, что значит "добро пожаловать". Поднесет - и убежит. Я сяду у огня и молчу, а Мицо говорит и за себя и за меня. Потом расстелем по комнате весь набор и начнем печатать. Вся типография умещалась в двух седельных сумках. Мы и бомбы возили на лошадях, и если что случалось, - бросаем бомбу и бежать... Однажды говорил в церкви перед Пасхой о свободе и братстве. Три тысячи изнасилованных девушек и женщин, двести сожженных сел, семь тысяч убитых - так те понимали свободу и братство.

ЖЕНЩИНА. Но не ты же резал их. Турки резали.

МУЖЧИНА. Что так рано расцвела ты, перед праздником великим... А теперь десять лет на их могилах растет бурьян, собаки гадят на них, и солдатские сапоги топчут пыль на них и меряют: этот кусок для греческого короля, этот для сербского, а вот тот - для германца, чтобы и он не сердился.

ЖЕНЩИНА. Плачь, плачь, все оплакивай! И Македонию, и македонок. И всю Болгарию - потому что царь здесь немец!.. А когда кончишь плакать, может быть, вспомнишь и обо мне.

МУЖЧИНА. Сними это черное платье и ложись.

ЖЕНЩИНА. Тебя что - цвет платья раздражает?

МУЖЧИНА. Зачем привезла целых десять пеньюаров из Парижа? Надень хотя бы один из них.

ЖЕНЩИНА. Не нравится тебе черное?

МУЖЧИНА. Я еще жив.

ЖЕНЩИНА. Жив, да. Ты - жив.

МУЖЧИНА. Сними это черное платье.

ЖЕНЩИНА. Ты, кажется, забыл, что случилось три месяца назад.

МУЖЧИНА. А что случилось?

ЖЕНЩИНА. Ничего. Ничего не случилось.

МУЖЧИНА. Лора!

ЖЕНЩИНА. Ничего не случилось.

МУЖЧИНА. Замолчи - ведь это грех.

ЖЕНЩИНА. Что - грех?

МУЖЧИНА. Грех жалеть нерожденное дитя.

ЖЕНЩИНА. А ты? Ты о чем жалеешь? О Македонии?

МУЖЧИНА. Я? Себя жалею.

ЖЕНЩИНА. Да у тебя все в порядке. Сидишь себе в теплом кабинете в этом новом театре, газеты каждый день пишут о тебе, артисточки стучатся в дверь...

МУЖЧИНА. Ты слышала, как они стучатся? *(Пауза.)* Не нужен мне теплый кабинет. И меня совершенно не интересует, что пишут обо мне газеты. Лапти и обмотки у меня перед глазами - лапти и обмотки, только это. Болгарский крестьянин. Ниву свою оставил, сколько у него ее было, соху бросил и пошел кричать "ура" против гранат. Потому что в букваре он с детства выучил: "Тот кто пал в бою за свободу, тот не умрет"¹ И "Люблю тебя, мое милое отечество". А сейчас кости его гниют в чужой черной земле, дети его умирают с голода, а кто-то сидит в своем теплом кабинете, пьет свой кофе и охает над картой: "Ах, напортачили мы! Ах, сели в лужу!"

ЖЕНЩИНА. Это ты приказал артиллерии стрелять в сербов?

МУЖЧИНА. Нет. Не я.

ЖЕНЩИНА. Тогда в чем же дело?

¹ Стихи Христо Ботева

МУЖЧИНА. Я не приказывал стрелять в сербов, и не собирался короноваться в Константинополе и становиться императором. А дело в том, что теперь очень легко говорить: "Виноват Фердинад. Виноват генерал Савов. Виноват доктор Данев." А когда нужно было - никто ничего не сказал. И не написал. И я тоже.

ЖЕНЩИНА. Тогда пиши сейчас. Раз знаешь, что нужно писать. Пиши сейчас.

МУЖЧИНА. Не могу. И не знаю. Не знаю, что нужно писать.

ЖЕНЩИНА. Позови завтра Тодора Александрова и вели ему убрать винтовки из чулана.

МУЖЧИНА. Один думает, что делает революцию, а другой рвется захватить Константинополь!

ЖЕНЩИНА. Или сунуть винтовки в какой-нибудь сундук?

МУЖЧИНА. Ты знаешь, кто мы были? Могильщики на свадьбе! Все ринулись в гешефты, в спекуляции, а мы: "Свобода македонскому рабу!" Могильщики на свадьбе... Не трогай винтовки...

ЖЕНЩИНА. На что они тебе?

МУЖЧИНА. Не трогай - и все.

ЖЕНЩИНА. Вот теперь ты опять красивый!

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. Красивый ты, говорю. Смотришь на меня такими широко распахнутыми глазами, и эта складочка около губ - совсем как ребенок, которого чем-то обидели...

МУЖЧИНА. Все, я уже мне не уснут...

ЖЕНЩИНА. Выпей что нибуд.

МУЖЧИНА. Что выпить?

ЖЕНЩИНА. Ты, же говорил, что у тебя есть какие-то снотворные

| таблетки.

| МУЖЧИНА. Не хочу принимать мне таблетки.

ЖЕНЩИНА. Хочешь - я сыграю тебе что-нибудь на пианоле?

МУЖЧИНА. Сейчас?

ЖЕНЩИНА. Мне очень хочется поиграть.

МУЖЧИНА. Иди сюда.

ЖЕНЩИНА. Зачем?

МУЖЧИНА. Так.

Женщина не двигается с места.

У нас не осталось вина с того дня?

ЖЕНЩИНА. Не знаю.

МУЖЧИНА. Хорошо. Я приму таблетку.

ЖЕНЩИНА. Принимай что хочешь.

МУЖЧИНА. Почему ты не идешь ко мне?

ЖЕНЩИНА. Кажется, там есть еще бутылка французского коньяка. Вина нет.

МУЖЧИНА. Ну, давай коньяк. Хотя подожди - я сейчас принесу.

ЖЕНЩИНА. Почему нельзя поиграть?

МУЖЧИНА. Потому что разбудишь хозяев. Что ты делаешь?

ЖЕНЩИНА. Кладу его обратно. *(Кладет револьвер в задний карман брюк.)* Он выпал. Я взяла его в магазине "Двое из Тырнова".

МУЖЧИНА. Что взяла?

ЖЕНЩИНА. Коньяк.

МУЖЧИНА. Эта пуговица была расстегнута?

ЖЕНЩИНА. Какая пуговица?

МУЖЧИНА. На кармане.

ЖЕНЩИНА. Не знаю. Наверно. А то как бы иначе он выпал?

МУЖЧИНА. *Несколько секунд пристально смотрит на Женщину, вынимает револьвер из кармана брюк, проходит к письменному столу, резко выдвигает ящик, кладет туда револьвер и закрывает ящик на ключ. Хочешь - пойдём сейчас в спальню и ляжем? Хочешь?*

ЖЕНЩИНА. Нет. Не хочу.

МУЖЧИНА. *(кладет руку на голову Женщины). Лора!*

(Она обеими руками берет его руку и прижимает к щеке.)

Ничего не нужно... Я отнесу тебя туда.

ЖЕНЩИНА. Не хочу.

МУЖЧИНА. Я сниму с тебя платье...

ЖЕНЩИНА. Нет!

МУЖЧИНА. ... и уложу тебя спать.

ЖЕНЩИНА. Не хочу.

МУЖЧИНА. И это называется жизнь! *(Резким движением вырывает руку из ее ладоней и выходит.)*

Женщина подходит к письменному столу, пытается выдвинуть ящик, быстро отпрянула в сторону. Входит Мужчина.

Лампа перегорела. Где у нас можно найти хотя бы одну свечку?

ЖЕНЩИНА. Скорее всего здесь. В ящике.

МУЖЧИНА. В ящике свечей нет. *(Берет спички со столика.)*
Поищу со спичками.

ЖЕНЩИНА. Смотри не подожги чужой дом.

Мужчина выходит. Женщина идет в другую комнату. Вскоре оттуда доносятся звуки фортепьяно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Входит Мужчина, ставит на столик бутылку. Музыка прекращается. Он берет карманные часы, открывает крышку, смотрит на циферблат, нервно захлопывает крышку. В проем открытой двери просовывается рука, она тянется к выключателю - гаснет верхняя лампа. Сейчас свет проникает только из соседней комнаты. В дверях появляется фигура, завернутая в длинную черную накидку, наверху торчит белый мертвецкий череп.

МУЖЧИНА. Для чего ты это сделала? *(Пауза.)*
Я тебя спрашиваю - для чего ты это сделала?

ЖЕНЩИНА. Добрый вечер, господин Яворов!

МУЖЧИНА. Доброе утро, госпожа Яворова.

ЖЕНЩИНА. Ну-ка, придумай заглавие!

МУЖЧИНА. Чему я должен придумать заглавие?

ЖЕНЩИНА. Живой картине.

МУЖЧИНА. Оставь это там и иди сюда. Я нашел вино.

ЖЕНЩИНА. Нет, придумай заглавие.

МУЖЧИНА.. “Попрыгунья-стрекоза” – вот заглавие.

ЖЕНЩИНА. И это называется драматург! *(Выходит.)*

*Мужчина наливает вино в бокалы. Входит Женщина.
Лицо свежее, на губах играет улыбка.*

"Когда мы, мертвые, пробуждаемся".

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. "Когда мы, мертвые, пробуждаемся". Тебе не нравится?

МУЖЧИНА. Я нашел вино.

ЖЕНЩИНА. Ты испугался?

МУЖЧИНА. Если бы тебя увидел Иван Андрейчин, он поместил бы тебя на обложку.

ЖЕНЩИНА. Тогда я должна быть голой. В его журнале все покойники голые.

МУЖЧИНА. Скажешь Теодорине пусть заберет это отсюда.

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Эту маску.

ЖЕНЩИНА. Теодорина сказала, что не придет больше сюда.

МУЖЧИНА. Почему?

ЖЕНЩИНА. Из-за сегодняшнего.

МУЖЧИНА. А что случилось сегодня?

ЖЕНЩИНА. Ты выгнал ее.

МУЖЧИНА. Я? Я ее выгнал?

ЖЕНЩИНА. Что ты смотришь на меня с таким ужасом? Что такого страшного я сказала?

Сейчас он сидит на табуретке. Женщина подходит к нему сзади и запускает пальцы в его волосы.

Мы купим этот дом возле Крепостного батальона, и я куплю тебе письменный стол, такой большой, как эта комната, и на него мы поставим мраморную чернильницу и положим серебряную ручку. И я закрою комнату на семь замков.

МУЖЧИНА. Зачем?

ЖЕНЩИНА. Чтобы тебя кто-нибудь не украл.

МУЖЧИНА. Да, кто-нибудь, у кого бахча большая, чтобы я ему ворон гонял. Вместо пугала.

ЖЕНЩИНА. погоди! Вот - один седой волос. У тебя один седой волос. Я его вырву...

МУЖЧИНА. Брось, не стоит.

ЖЕНЩИНА. Каким ты будешь, когда постареешь? С седой головой и этим черным лицом.

МУЖЧИНА. Да, как у старого цыгана.

ЖЕНЩИНА. Я вырву его!

МУЖЧИНА. Лора!

ЖЕНЩИНА. Одна женщина сказала мне, что ты самый красивый мужчина Софии.

МУЖЧИНА. Вот как?

ЖЕНЩИНА. Да, с тех пор как вернулся из Франции и стал элегантно одеваться.

МУЖЧИНА. Кто она? Я готов выпить за ее здоровье.

ЖЕНЩИНА. Она тоже очень элегантно одевается.

МУЖЧИНА. Я знаю ее?

ЖЕНЩИНА. Знаешь, знаешь - сегодня вечером десять раз бросал платок ей.

МУЖЧИНА. Ты снова об этом?

ЖЕНЩИНА *(все еще перебирая пальцами его волосы)*. Чтобы она ни надела, всё равно останется провинциалкой!

МУЖЧИНА. Оставь мою голову в покое!

ЖЕНЩИНА. А эти туфли, что на ней были! Купила себе юбку и блузку у „Полицера и Пипева”, а туфли, ох, эти туфли...

МУЖЧИНА. Что ты делаешь?

ЖЕНЩИНА. Провинциалка - обольстительница! Тота. Это ее имя - Тотка. Тота! Из Ловеча. А перекрестила себя в Дору.

МУЖЧИНА. Ох!

ЖЕНЩИНА. Вот он - я вырвала его!

МУЖЧИНА. Зачем мы здесь? Зачем мы здесь среди ночи с этими бокалами?

ЖЕНЩИНА. Пей. Я не могу.

МУЖЧИНА. И я не могу.

ЖЕНЩИНА. Тота!

МУЖЧИНА. Но ведь она, кажется, твоя приятельница?

ЖЕНЩИНА. Нет. Она не моя приятельница.

МУЖЧИНА. Сядь. Садись сюда. Сядь,

*Женщина садится. Мужчина стоит перед ней,
потом нагибается и целует ее в голову.*

Почему Теодорина рассердилась сегодня?

ЖЕНЩИНА. Она не рассердилась. Ей стало неловко, и она ушла.

МУЖЧИНА. Сидят две женщины зимой на холодной скамейке и беседуют о поэзии. Как тут не рассмеяться человеку?

ЖЕНЩИНА. Ты не смеялся. Злоба, злоба, сарказм - вот что это было.

МУЖЧИНА. Ну, вероятно, не зря.

ЖЕНЩИНА. Конечно, конечно - буржуазка, дилетантка, домашняя хозяйка с большими претензиями сидит на скамейке и читает артистке стихи своего мужа. Ну не смешно ли?

МУЖЧИНА. Я не могу стоять у скамейки и объяснять, что и зачем я написал.

ЖЕНЩИНА. Никто и не требовал твоих объяснений. Я просила тебя только подтвердить, что это стихотворение посвящено не ей.

МУЖЧИНА. Кому - "ей"?

ЖЕНЩИНА. Ты знаешь, о ком идет речь.

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Если я назову ее "барышня", ты снова посмотришь на меня как на убийцу?

МУЖЧИНА. Почему ты не назовешь ее по имени?

ЖЕНЩИНА. Минка. Стихотворение посвящено не Минке.

МУЖЧИНА. Стихотворение посвящено ей.

ЖЕНЩИНА. Ты просто хочешь дразнить меня!

МУЖЧИНА. Ей посвящено...

ЖЕНЩИНА (*берет со стола книгу и раскрывает ее*).

*Ты снилась мне и в эту ночь, родная,
Ты снилась мне, и грезя наяву,
Твою головку на плече моем увидел...*

МУЖЧИНА. Хватит. Я знаю его.

ЖЕНЩИНА (*продолжает читать*).

*Глаза твои как солнца два горели,
Мой взор туманный светом пронизав,
И в будущее с верой устремившись...*

МУЖЧИНА. Не надо больше! Я помню его.

ЖЕНЩИНА (*продолжая читать*).

Все было так - и то был праздник жизни...

(*Бросает книгу на письменный стол.*) Это посвящено женщине, с которой у тебя была любовь. Любовь как любовь. В постели.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. И это все она? Малышка Минка?

МУЖЧИНА. Нет. Не она. Прочти последнюю строфу - я забыл ее.

ЖЕНЩИНА (*раскрывает книгу*).

*Проснулся я и в сумраке ненастном
Заплакал я, и плакал до рассвета,
Тебя уж нет, и жизнь моя несчастна...*

МУЖЧИНА. Вот это о Минке.

ЖЕНЩИНА. Почему тебе так хочется меня дразнить?

МУЖЧИНА. Это стихотворение я писал в селе Стралджа. Я был там телеграфистом.

ЖЕНЩИНА. В прошлом веке.

МУЖЧИНА. Почему?

ЖЕНЩИНА. Сколько лет тебе было, когда ты писал его?

МУЖЧИНА. Не знаю - девятнадцать или двадцать. Нет, больше - двадцать два.

ЖЕНЩИНА. Значит, в прошлом веке.

МУЖЧИНА. А, да.

ЖЕНЩИНА. Минке тогда было пять. Или вообще она еще не родилась.

МУЖЧИНА. Почему? Она умерла, когда ей было двадцать.

ЖЕНЩИНА. Когда бы она ни умерла, ты тогда не знал еще ее. В этой деревне Стралджа.

МУЖЧИНА. Я знал там другую женщину. Когда Минка умерла, я готовил сборник стихов к печати и переменил последнюю строфу.

ЖЕНЩИНА *(снова раскрывает книгу)*.

*Проснулся я и в сумраке ненастном
Заплакал я, и плакал до рассвета.
Тебя уж нет, и жизнь моя несчастна...*

МУЖЧИНА. Да. Только я перенаписал и вторую строфу. И всё стихотворение.

ЖЕНЩИНА. А как оно звучало раньше? Перед тем как ты перенаписал его?

МУЖЧИНА. Не знаю. Не помню.

ЖЕНЩИНА. Ну, а та?

МУЖЧИНА. Кто?

ЖЕНЩИНА. Ну та, из села, как его там?

МУЖЧИНА. Она была учительница, из Сливена.

ЖЕНЩИНА. Где она сейчас?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. И она жива, да?

МУЖЧИНА. Наверно.

ЖЕНЩИНА. Интересно - а когда я умру, какое стихотворение ты перенапишешь?

МУЖЧИНА. Зачем же? Я напишу новое.

ЖЕНЩИНА. Хорошее?

МУЖЧИНА. Постараюсь, чтобы было хорошее. *(Пауза.)*
Скажи мне, Лора, неужто тебе не надоело все время говорить о смерти?

ЖЕНЩИНА. По-моему, ты и ее не любил.

МУЖЧИНА. Может быть.

ЖЕНЩИНА. Ты знаешь о чем я говорю?

МУЖЧИНА. О чем ты говоришь?

ЖЕНЩИНА. Всё о ней. О малышке.

МУЖЧИНА. Ага...

ЖЕНЩИНА. Эти цветы, что ты приносил каждый день на ее могилу в Париже, и твое молчание, и одиночество - все это было очень красиво, но я не верю тебе. И тогда не верила, и сейчас - не верю. Ты говорил о верности ей и о своих страданиях . . .

МУЖЧИНА. Я говорил об этом?

ЖЕНЩИНА. Я хорошо знала ее. Она была очень милой девушкой. Но в те дни в Париже, когда ты так много говорил, я потеряла

реальное представление о ней. "Существо из другого мира"... "нежная лилия в болоте болгарской провинции"... "белые руки ангела"... "улыбка ребенка"... "глаза, в которых отразилась вся печаль мира"...

МУЖЧИНА. Нет!

ЖЕНЩИНА. "... загадочная как вечернее небо, как таинственные сумерки Парижа"...

МУЖЧИНА. Ничего этого тебе я не говорил!

ЖЕНЩИНА. Может и не говорил. Может я путаю все это с каким-то стихотворением. Не помню точно слова, помню смысл.

МУЖЧИНА. Больше ничего я тебе не говорил, кроме праздных слов?

ЖЕНЩИНА. Говорил. Как вы тайно встречались на улице Царя Шишмана. Как тебя ненавидели ее родители. Как тебя преследовали ее братья. Как тебя не пустили в санаторий проститься с ней.

МУЖЧИНА. Не пустили.

ЖЕНЩИНА. И про отпевание в Русской церкви.

МУЖЧИНА. Ты меня расспрашивала.

ЖЕНЩИНА. Я хотела понять, где истина, а где воображение.

МУЖЧИНА. Ну, и поняла?

ЖЕНЩИНА. Да! Ты любил просто выдумку.

МУЖЧИНА. Ладно.

ЖЕНЩИНА. И когда я рассказывала тебе о самых что ни на есть реальных, земных вещах, а ты мне отвечал, что видишь ее каждый день перед собой, как она ждет тебя, опершись на свой мраморный крест...

МУЖЧИНА. Перестань.

ЖЕНЩИНА. Слова твои были очень красивы, но в них не было ни капли человечности.

МУЖЧИНА. Ты считаешь, что то место в Париже было самым подходящим для того, чтобы предлагать мне свою дружбу?

ЖЕНЩИНА. Какое место?

МУЖЧИНА. Могила.

ЖЕНЩИНА. Я уже не любила тебя тогда. А перед этим я долгое время думала о тебе. Где мы будем и чем мы займемся. Однажды - не помню, было это перед нашей встречей в Париже или после - я сидела на одном мокром стуле. На террасе это было, перед домом в Лондоне. Все было мокрое и в тумане и только я на террасе. И я увидела, как ты шел мне навстречу. Можешь ты себе это представить - я на одном конце Европы, ты на другом, и между нами ничего нет, кроме тумана. Ничего другого я не видела, когда думала о Софии. Не видела ни мамы, ни ребенка, ни мужа моего - никого. Только тебя - на другом конце света. Как я уже видела тебя шедшего по Борисову саду. Так и прошел через Германию, Францию, через Ламанш и склонился надо мной, сидящей на плетеном стуле. Наверное, я заснула и проснулась от холода, потому что было холодно. Когда человек внезапно просыпается, у него бывают такие озарения. Когда у тебя в мыслях нет ничего другого, кроме самого главного. Никаких разводов, родственников, ребенка, партий, сплетен, денег, директоров, отпусков, командировок, грязных поездов от Софии до Лондона - ничего. Только ты и я на двух полюсах континента. Один шаг. Какие планы у меня были для нас обоих ... И причем тут могила? Какая разница, где я тебе сказала те слова? Другое встало между нами - и это было не могила. Ты предпочел ту русую француженку с улицы. Ты предпочел ее мне. Почему?

МУЖЧИНА. Я не сравнивал вас. То, что было с ней, совсем не было любовью.

ЖЕНЩИНА. Почему ты испугался меня тогда?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Это правда, что ты однажды ночью бегал по улицам Парижа как сумасшедший от какой-то женщины?

МУЖЧИНА. Какой женщины?

ЖЕНЩИНА. Какая-то женщина погналась за тобой, а ты бросился бежать, сломя голову.

МУЖЧИНА. Что за чепуха!

ЖЕНЩИНА. Ты потерял шляпу убегая, но ты боялся вернуться, чтобы искать ее.

МУЖЧИНА. Кто распространяет про меня такие глупости?

ЖЕНЩИНА. И я сказала, что это глупости, когда услышала, но теперь я верю, что это было так.

МУЖЧИНА. Что? Что я убежал?

ЖЕНЩИНА. Ты и от меня бежал как от чумы.

МУЖЧИНА. Теперь я вспомнил. Эта женщина была или сумасшедшей, или пьяной. За ней следом волочилась и звенела какая-то цепь. Как у оторвавшейся собаки. Только это было не в Париже. А в Нанси.

ЖЕНЩИНА. Ты боишься меня?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Очень?

МУЖЧИНА. Очень.

ЖЕНЩИНА. Мне не хочется вина. Ты не принесешь мне воды?

Мужчина выходит. Женщина снова дергает ящик за ручку, пытаясь открыть его, потом резко выдвигает второй ящик, лихорадочно роется в нем, находит ключ, открывает первый ящик, вынимает револьвер. Слышатся шаги Мужчины. Женщина быстро кладет револьвер в карман пиджака, перекинутого через спинку стула.

МУЖЧИНА. Меня все время трясло в этом Нанси. У меня была

лихорадка.

ЖЕНЩИНА. Почему?

МУЖЧИНА. Ботинки у меня были дырявыми. Я сделал подписку на "Меркур де Франс", а на обувь денег не хватило.

ЖЕНЩИНА. Бедняжка.

МУЖЧИНА. Да нет, ничего, у меня было прекрасное настроение. Эти семь месяцев во Франции - похоже, это было самое лучшее время моей жизни. Я тебе уже говорил, что такова моя природа: чем мне хуже, тем мне лучше. Всегда один. Никого не знаю. И меня никто не знает. И денег никаких нету. Иногда я ходил в театр. А ночами - в парках. Однажды я наступил на улитку. И она, бедняга, выползла поискать чего-нибудь. И вот мне пришло в голову, что и я, как эта улитка, ничего не увижу и ничего не пойму в этом мире. Потому что я родился как в раковине. И на своей спине тащу всю нищету Балкан. Никогда я столько не думал о Болгарии, как тогда, в Нанси.

ЖЕНЩИНА. И это ты называешь самым лучшим временем своей жизни?

МУЖЧИНА. Да. И я тогда много писал. Столько вещей вертелось у меня в голове, что думал - проживи я три жизни, все равно не успел бы написать всего. А сейчас сижу перед белым листом бумаги и ничего не могу.

ЖЕНЩИНА. Почему?

МУЖЧИНА. Открытки, которые я тебе посылал, и те были написаны стихами. Каждая открытка - стихотворение.

ЖЕНЩИНА. А она? Она отвечала на твои открытки?

МУЖЧИНА. Да. Отвечала.

ЖЕНЩИНА (*встает, отталкивает ногой табуретку, берет в руки то один, то другой предмет в маленькой комнате, наконец, становится у двери, опираясь на нее спиной, закладывает руки за спину.*) В эту ночь ты должен будешь ответить мне на несколько вопросов.

МУЖЧИНА. Почему? Почему именно в эту ночь?

ЖЕНЩИНА. Потому что ты никогда не смотрел на меня так, как сегодня вечером у Тиховых.

МУЖЧИНА. Как я смотрел на тебя?

ЖЕНЩИНА. С ненавистью. *(Пауза.)* У меня есть прошлое. Это, что ли, мешает тебе?

МУЖЧИНА. Почему меня должно интересовать твоё прошлое?

ЖЕНЩИНА. Какой-то скупердяй вонючий треплет языком направо и налево во всех кафе и рассказывает, что вроде бы у него что-то было со мной в Лондоне.

МУЖЧИНА. Я ничего не слышал про это.

ЖЕНЩИНА. Ничего и не было!

МУЖЧИНА. Меня это не интересует.

ЖЕНЩИНА. А то, что я бежала с Петром Нейковым уже после того как была помолвлена с Дренковым, ты тоже не слышал?

МУЖЧИНА. Сколько раз еще ты будешь повторять эту дурацкую историю?

ЖЕНЩИНА. Меня и сейчас преследуют мужчины. Позавчера Григор Васильев настиг меня, когда я выходила из театра, и шел вслед за мной от "Красного Рака" до улицы Раковского.

МУЖЧИНА. Ну?

ЖЕНЩИНА. На „Граф Игнатъев” у мясной лавки я сказала, что сейчас дам ему пощечину, но он не умолк ни на минуту.

МУЖЧИНА. А почему ты ходишь по улице Графа Игнатъева?

ЖЕНЩИНА. Тебя совсем не интересует, что он говорил?

МУЖЧИНА. Он так и не научился разговаривать с женщинами.

ЖЕНЩИНА. Научился уже.

МУЖЧИНА. Почему ты не ходишь мимо дома Ивана Вазова? Я всегда хожу так.

ЖЕНЩИНА. Ты делаешь вид, что тебе все равно.

МУЖЧИНА. Нет, мне не все равно. И что же говорил Григор?

ЖЕНЩИНА. Вот, весь ты в этом, как на ладони! Господин Пею Яворов говорит: "Хочешь поцеловать меня? Тогда поцелуй. Хочешь уйти? Дверь открыта. Хочешь остаться? Тогда останься. Ты не очень-то мешаешь мне... Но что бы ты ни сделала - мне все равно, бесконечно все равно, потому что ты не нужна мне, я вполне счастлив тем, что я есть, и мне хватает себя самого". Вот тебе вся наша история - с начала и до конца. Согласись, что это довольно утомительно.

МУЖЧИНА. Для кого? Для кого утомительно?

ЖЕНЩИНА. Про меня говорят, что я кукушка. Что я, видишь ли, наплевала на семейное гнездо. Что мужа на смех подняла, ребенка бросила, скитаюсь по чужим странам. А я и хочу быть кукушкой. И мне жаль каждой минуты, проведенной не с тобой. Только из кукушки я уже превратилась в собаку. Сажу возле тебя и жду. Жду, когда ты меня погладишь.

МУЖЧИНА. Разве я не делаю этого?

ЖЕНЩИНА. Сам царь Фердинанд поджимал хвост, стоило мне поглядеть на него. А ведь я была тогда всего-навсего семнадцатилетняя дуреха. И это царь, не кто-нибудь. Он велел мне явиться на бал во дворец, а я притворилась больной. А на следующее утро мама будит меня и вся трясется от гнева - оказывается, царь сказал ей: "Вроде больная, однако на каток ходила". Я знала, что он видел меня на катке - я как раз снимала коньки. Это было на озере у Орлова моста, а он в это время проходил мимо с Чапрашиковым. Я попробовала было спрятаться за подружку, но он увидел меня. А я все равно не пошла.

МУЖЧИНА. Потому что тебе очень хотелось сделать матери на зло.

ЖЕНЩИНА. Нет, господин Яворов. Я не пошла потому, что я дочь Петко Каравелова. А он никому не кланялся. *(Пауза.)* Пойди, поставь ролик на пианолу.

МУЖЧИНА. Какой поставить?

ЖЕНЩИНА. Какой хочешь.

МУЖЧИНА *(не двигаясь с места)*. Когда у нас тут проводили конкурс на софийскую красавицу, меня просили написать что-нибудь о красоте.

ЖЕНЩИНА. Знаю. Читала.

МУЖЧИНА. Это было напечатано в той же номере газеты, что и ваши портреты. Тебе тогда присудили второе место.

ЖЕНЩИНА. Ты хочешь сказать, что я и второго не заслужила?

МУЖЧИНА. Я пытался объяснить, что женская красота - это не какая-то физическая данность, которая ждет, чтобы скульптор запечатлел ее в мраморе. Красота, по-моему, это некий душевный талант. Мне не понравились те две женщины, которым присудили первую и третью награду.

ЖЕНЩИНА. А я тебе понравилась?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Благодаря моей душе. Спасибо.

МУЖЧИНА. Нет, я неправильно выразился.

ЖЕНЩИНА. Ну, ладно. Благодаря еще чему-то. Зато теперь ты женат на самой красивой женщине в Софии. И что дальше?

МУЖЧИНА. Нет. Ты не самая красивая. Теперь нет.

ЖЕНЩИНА. Та-ак.

МУЖЧИНА. Мне нравилась твоя гордость. Ум. Воля. Нравился твой смех. Я и подумать не мог, что когда-нибудь я буду тебя

обнимать.

ЖЕНЩИНА. И почему теперь я уже не красивая?

МУЖЧИНА. Ты была для меня, как... как мираж.

ЖЕНЩИНА. Я что - постарела за эти два-три года?

МУЖЧИНА. Ты была гордая и недоступная.

ЖЕНЩИНА. Я что - уже стара?

МУЖЧИНА. Как ты могла подумать, что я предпочту ее тебе?

ЖЕНЩИНА. В чем я переменялась?

МУЖЧИНА. Да ведь она же глупа!

ЖЕНЩИНА. Довольно!

МУЖЧИНА. Ты и сейчас самая красивая. Но сегодня вечером, когда я понял, в чем ты меня подозреваешь, моя любовь к тебе обернулась злобой.

ЖЕНЩИНА. Как ты сказал? Что... что обернулась злобой?

МУЖЧИНА. Разве ты не расслышала?

ЖЕНЩИНА. Слышала.

МУЖЧИНА. Сегодня вечером ты была не та Лора...

ЖЕНЩИНА *(тихо)*. Молчи.

(Пауза. Женщина уходит в другую комнату. Через несколько секунд оттуда раздаются громкие звуки танго. Женщина входит.) Ну-ка, вставай.

МУЖЧИНА. Зачем?

ЖЕНЩИНА. Будем танцевать.

МУЖЧИНА. Как это - танцевать?

ЖЕНЩИНА. А так.

МУЖЧИНА. Но - я не умею...

ЖЕНЩИНА. А я научу тебя.

МУЖЧИНА. А что это?

ЖЕНЩИНА. Танго. *(Кладет его руку себе на талию.)* Слушай музыку - и ничего больше. *(Танцуют.)* Именно так!.. *(Продолжают танцевать.)* Я сделала одну очень смешную вещь. В первый же день. Когда вернулась из Парижа.

МУЖЧИНА. Давай остановимся.

ЖЕНЩИНА. Ты знаешь что я сделала?

МУЖЧИНА. Знаю. Заставила меня торчать два часа перед Пассажем, чтобы снять шляпу, когда ты промчишься на извозчике с вокзала.

ЖЕНЩИНА. Нет. Прямо с вокзала я поехала к фотографу Грабнеру - в фаэтоне, со всеми чемоданами. И потребовала портрет этой... этой вечерней обольстительницы. Которой ты все время бросал платок...

МУЖЧИНА. Ты опять об этом?

ЖЕНЩИНА. Я посмотрела на ее портрет и поняла, что она мне не соперница.

МУЖЧИНА. Зачем же тогда все эти сцены сегодня вечером?

ЖЕНЩИНА. Нарочно. В шутку. Чтобы не было скучно.

(Музыка обрывается.)

МУЖЧИНА. Все.

ЖЕНЩИНА. Я пойду и заведу снова.

МУЖЧИНА. Подожди.

ЖЕНЩИНА. Тебе не нравится?

МУЖЧИНА. Нравится. Они играли это в казино. Эти - ну, чешские музыканты.

ЖЕНЩИНА. А ты знаешь, что с ними случилось? Они все утонули.

МУЖЧИНА. Что? Как? Музыканты?

ЖЕНЩИНА. Они были на этом корабле, на "Титанике". И играли до последней минуты. Пока не утонули...

МУЖЧИНА. Откуда ты это знаешь?

ЖЕНЩИНА. Прочла во вчерашней газете. Один из них был влюблен в меня. Бедный мальчик. Лежит сейчас на дне океана в этой ледяной воде.

МУЖЧИНА. Вряд ли человек в этом случае достигает дна. Вода все равно выталкивает на поверхность.

ЖЕНЩИНА. Ну и что, что выталкивает? Все равно ты в воде. Навсегда. Все в этой черной воде.

МУЖЧИНА.. Что с тобой? Лора!

ЖЕНЩИНА. Есть одно очень страшное стихотворение. У тебя есть одно стихотворение, от которого мне страшно...

МУЖЧИНА. Какое стихотворение?

ЖЕНЩИНА. "Нирвана". Заглавие его - "Нирвана".

МУЖЧИНА. Что же в нем страшного?

ЖЕНЩИНА.

*Спят воды вечные, безбрежные – бездонные,
Но не глядится в них небесный купол
звездный...*

Как там дальше?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Знаешь.

МУЖЧИНА.

*И бродим мы вокруг бессонные,
И содрогаемся перед безмолвной бездной...*

ЖЕНЩИНА.

*Спят воды вечные, бездонные – безбрежные,
Но их не осенит небес покров туманный...*

Дальше?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Знаешь.

МУЖЧИНА.

*И мы глядим на них безмолвно, безнадежно,
И содрогаемся пред мрачной тайной...*

ЖЕНЩИНА. Почему "Нирвана"? Почему такое заглавие – „Нирвана”?

МУЖЧИНА. Нирвана - это индийское слово. Оно означает состояние покоя. Абсолютного блаженства.

ЖЕНЩИНА. Знаю. Но в состоянии покоя не бродят и не содрогаются... Какой же это покой, когда "содрогаемся..." Как это там?

МУЖЧИНА. Пред мрачной тайной.

ЖЕНЩИНА. „И содрогаемся пред мрачной тайной”. И что это за блаженство? Вот... нашла последние слова: „Замученных палящей жажды зноем”. Как это человек может быть замучен „жажды зноем” и в то же самое время испытывать блаженство? Что это такое твоя нирвана?

МУЖЧИНА. Не знаю. Может, я неточно выразился. Может быть, название - нехорошее.

ЖЕНЩИНА. О чем это стихотворение?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Как это - не знаешь?

МУЖЧИНА. Может быть - о смерти. Да, я думаю - оно о смерти.

ЖЕНЩИНА. А я думаю, что не о смерти. Когда человек умрет, он уже не бродит и не содрогается. И не бывает иссушен жажды зноем.

МУЖЧИНА. Перед тем как написать это стихотворение, я был охвачен диким страхом. Перед бесконечной вселенной, и какими ничтожными мы кажемся перед ней. Но была и сладкая такая радость, что, может быть, смерти нет. Потому что не верится, что я, что мой разум, и смысл моей мысли - все это может умереть. Я не верю, не верю, что моя жизнь и мое сознание могут оказаться полной бессмыслицей... Потому что нет большей бессмыслицы, чем та: жить, чтобы умереть. Ты понимаешь, о чем я говорю?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Ты помнишь как у Петрарки: „Хоть я тело из праха, мое желание рождено звездами”.

ЖЕНЩИНА. Какое желание? Какие звезды? И почему ты „замучен жажды зноем”?

МУЖЧИНА. Все, все мы боимся жить. Все мы спрашиваем себя - в чем смысл жизни, а смысл жизни наверное сама жизнь. Шлепаем по воде, а жажда мучает нас. Так и чахнем между жизнью и смертью.

ЖЕНЩИНА. Хочешь - я приглашу ее завтра к нам домой?

МУЖЧИНА. Кого?

ЖЕНЩИНА. Эту – обольстительницу.

МУЖЧИНА. Я не знаю, кого ты имеешь в виду.

ЖЕНЩИНА. Дору.

МУЖЧИНА. Ты и так все время приглашаешь ее сюда.

ЖЕНЩИНА. Я приглашу ее с мужем.

МУЖЧИНА. Зачем?

ЖЕНЩИНА. Я тоже содрогаюсь перед... одной тайной мрачной.

МУЖЧИНА. Какой тайной?

ЖЕНЩИНА. Что - мы не живем как нужно. Может быть, все должно быть иначе. Сядем в комнате, запрем дверь и начнем играть в "платочек". И если ты опять бросишь ей платок - я встану и уйду. А если я брошу платок ему - уйдешь ты.

МУЖЧИНА. Вот как? Я не знал, что он тебе нравится.

ЖЕНЩИНА. Он мне не нравится. Если бы он мне нравился, я бы бросила тебя. Как бросила Дренкова.

МУЖЧИНА. Вот и хорошо. Значит, не нужно запирается в комнате и бросать платок.

ЖЕНЩИНА. Нет. Нет, нужно, нужно. Ты как-то сказал, что можешь любить в одно и то же время нескольких женщин. Люби себе на здоровье сколько хочешь, хоть десять, только у меня нет никакого желания быть частью твоего гарема.

МУЖЧИНА. Ты поэтому читала мне старую газету о турецком султани ?

ЖЕНЩИНА. Поэтому. Я не могу в одно и то же время любить нескольких мужчин. Я могу любить только одного. И хочу, чтобы он был для меня всем, всем в жизни. И я для него - всем. Самым близким другом, самой нежной сестрой, самой желанной любовницей. Всем. Поэтому я и говорю, что мы живем не так, как надо. Брак имеет смысл только тогда, когда есть эти три вещи. Три - вместе. Иначе - нет смысла... Иначе - мы должны расстаться. Немедленно. Я не хочу быть тюремщиком...

МУЖЧИНА. Хорошо.

ЖЕНЩИНА. Что, что хорошо?

МУЖЧИНА. Когда я говорил, что могу в одно и то же время любить нескольких женщин, я ничего серьезного не имел в виду.

ЖЕНЩИНА. Имел. Имел в виду серьезное.

МУЖЧИНА. Я говорил о чем-то вроде... ну, полулюбви.

ЖЕНЩИНА. Именно.

МУЖЧИНА. Потому что...

ЖЕНЩИНА. Мне не нужна твоя полулюбовь.

МУЖЧИНА. Потому что с тобой все совсем иначе. Ты обладаешь всеми тремя качествами, о которых говорила. Ты и друг, и... И я не могу не любить тебя.

ЖЕНЩИНА. Что это?.. Математика? Что это значит?.. „Ты обладаешь определенными качествами, следовательно... я не могу не любить тебя”. Так что это такое? Урок логики? Что это такое - я тебя спрашиваю?

МУЖЧИНА. Сядь. Сядь и успокойся!

ЖЕНЩИНА. У тебя есть качества, следовательно...

МУЖЧИНА. Да, ты права. Глупо получилось.

ЖЕНЩИНА. Ты обладаешь качествами... Какими качествами я обладаю? Да никакими! Например: я совершенно не способна жертвовать собой во имя чего-то. Да, да, и не воображай, пожалуйста, что я готова к самопожертвованию - я эгоистка до мозга костей. И счастье я понимаю именно так - удовлетворенный эгоизм. И только. Ты мне нужен - и только. *(Пауза.)* Грубо, да? Только мне, грубой материалистке, не нужны ни твоя опытность, ни твоя чувственность. Мне нужны твоя душа, твое сердце, твоя нежность нужна мне... Если бы мне, грубой материалистке, нужна была чувственность, я осталась бы с мужем. У него было достаточно чувственности. А ты - поэт, идеалист - ты ни капли души своей не вложил в твою любовь. Ни капли. И я еще раз

повторяю тебе - ты и твое чувство не заслужили моей любви.

МУЖЧИНА. Вероятно. Вероятно это так.

ЖЕНЩИНА. Боже мой, как все это смешно. Хоть бы я знала, что было у тебя такое в жизни, когда ты любил по-настоящему. Что ты не всегда был куском льда... Я была бы рада, что не ошиблась в тебе. Расскажи! Расскажи мне что-нибудь. Расскажи - ты испытывал к кому-нибудь когда-нибудь большое, сильное чувство?

МУЖЧИНА. Не знаю. Не раз чувства мои были просто невосприимчивы и так ужасны, что мне хотелось разорвать себе живот или разбить голову о каменную стену... И из-за женщин, честно тебе скажу - из-за них. Теперь все миновало. Остались только какие-то стихи. И только одного я не могу забыть - как будто это было вчера. Это когда умерла мама. Я и сейчас вижу ее и чувствую, что она стоит возле и смотрит на меня... Рано утром солнце заставало меня на ее могиле. И я зажигал две свечи - одну для себя и еще одну. Тогда Минка еще жива была. И они слились в одно - мама и Минка. Она была ребенок - семнадцати-восемнадцати лет. Но не потому, не потому я не мог отнестись к ней, как к зрелой женщине, не могу оскорбить. Каждый раз, когда я был близок к этому, я видел глаза матери и слышал ее голос: "Не надо. Ты озлоблен и жесток, и беспутен. Пожалей этого ребенка. Не мсти ей за все и за всех. Пожалей ее." И осталась Минка как икона. Я мог часами смотреть на нее и готов был плакать от радости только оттого, что она есть. Пока она была... А теперь стоит мне подумать об одной, и я вижу и другую.

ЖЕНЩИНА. А я?

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. А я где? Твоя мать, Минка, Македония, революция, звезды, вселенная... А где же я?

Пауза.

МУЖЧИНА. Лора.

ЖЕНЩИНА. Да?

МУЖЧИНА. Как же это могло случиться, что ты, которую считают

самой свободной женщиной Болгарии, и я, который всегда думал, что не гожусь для семейной жизни, - сидим с тобой тут как в гробнице и стережем друг друга, чтобы, не дай бог, никто не сбежал.

ЖЕНЩИНА. Беги. Я не буду тебе мешать.

МУЖЧИНА. Я был однажды в каком-то музее, в египетском зале, где сплошные мумии. Мрачно так, темно - сумерки, и я там, в зале совсем один. И вот за стеклом среди мумий я увидел статуэтку - две животные в любовных объятиях. Но совсем как люди, лицом друг к другу. Лев и антилопа. Губами впились друг в друга, как в человечесьем поцелуе. Ноги одного обвили тело другого. И тогда я присмотрелся и увидел, что он ее съедает. Лев - антилопу. Или она его - все равно. Поцелуй и съедение. Если бы ты знала, какой ужас меня охватил тогда. И теперь я вижу и чувствую этот пустой зал, камни, мумии, ощущаю пронизывающий холод. И этот поцелуй-смерть. Почему, а? Почему любовь и... съедают друг друга?

ЖЕНЩИНА. Ты как считаешь - кто из нас лев, а кто антилопа?

МУЖЧИНА. Они по крайней мере целовались - эти лев и антилопа. Мы же и этого не делаем.

ЖЕНЩИНА. Скажешь завтра бай Иордану, что должен взять мой паспорт.

МУЖЧИНА. Уезжаешь?

ЖЕНЩИНА. Уезжаю.

МУЖЧИНА. Нет. Не уедешь ты никуда.

ЖЕНЩИНА. Неужели?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Откуда тебе это известно?

МУЖЧИНА. Известно.

ЖЕНЩИНА. Да, никуда я не уеду. Останусь здесь и буду выматывать из тебя душу. Каждый день по капле.

МУЖЧИНА. Нет у меня души и выматывать – нечего. Душа у меня была, когда я писал об армянах. И о голодающих. Голодающие, как и прежде, голодают, армян, как и раньше, режут, а я сижу за этим дорогим столом и грею руки о твою парижскую лампу. Какую же душу из меня выматывать?

ЖЕНЩИНА. Разбей ее!

МУЖЧИНА. Что разбить?

ЖЕНЩИНА. Лампу. Ты же революционер, так? Ну, бей! Ломай! Колоти! Хватай эту лампу - и мне по голове.

МУЖЧИНА. Никакой я не революционер. Революционер не может жить тридцать шесть лет. Кто тебе даст выжить столько, если ты революционер. Вот в этой книге, которая у тебя в руках, я писал: "Своею кровью крест воздвигну..." Так я думал раньше. Крест. Своею кровью. На все четыре стороны Болгарии. Ничего я не воздвиг.

ЖЕНЩИНА. Прошлой ночью, нет, позапрошлой я пришла к тебе и ты притворился спящим. Притворился, да?

МУЖЧИНА. Зачем ты приходила?

ЖЕНЩИНА. Ответь - притворился?

МУЖЧИНА. Зачем ты приходила?

ЖЕНЩИНА. Холодно мне было.

МУЖЧИНА. Но я не печка.

Длинная пауза.

(Мужчина ложится на диван, опирается плечами о высокую подушку, укрывается одеялом, зажигает сигарету.) Ты ложишься ко мне в постель так, как ребенок ложится к матери. Только потому, что ему холодно и страшно. Приходишь, свернешься калачиком и засыпаешь. Или мы должны разговаривать - это тоже помогает тебе заснуть. Поэтому я и притворился спящим. Не хотелось разговаривать.

ЖЕНЩИНА. Неужели... Неужели нет ничего другого, что имело бы смысл в жизни, кроме чувственной любви?

МУЖЧИНА. Когда я пошел с отрядом в Македонию...

ЖЕНЩИНА. Хватит с этой Македонией!

МУЖЧИНА. Не знаю. Теперь уже ничего не знаю. Вот, и мне тоже холодно, но ты стоишь у стены в этом черном платье, и мы говорим, говорим, говорим всю ночь. Зачем все это?

ЖЕНЩИНА. Хорошо. Я сниму платье, все с себя сниму и лягу рядом. И это все что тебе нужно?

МУЖЧИНА. Нет. Я не хочу, чтобы ты была со мной по обязанности. Не хочу, чтобы ты приходила, когда костер в печи потух и тебе стало холодно. И тогда свернешься калачиком рядом, а когда я протяну руку, чтобы приласкать тебя, скажешь "Не надо".

ЖЕНЩИНА. Вот как? И так было всегда?

МУЖЧИНА. Почти всегда.

ЖЕНЩИНА. Разве у нас не было ночей, когда мы не могли заснуть? Разве не было ночей, когда все было по-другому?

МУЖЧИНА. Не знаю. Теперь мне кажется, что ты тогда притворялась.

ЖЕНЩИНА. Я? Зачем? Зачем мне было притворяться?

МУЖЧИНА. Вот и я думаю - зачем? Наверно, потому что у тебя есть собственная так называемая теория, согласно которой женщина должна существовать в трех лицах - как там у тебя? - самым лучшим другом, самой прекрасной любовницей ...

ЖЕНЩИНА. Да, именно, *но я в любовницы не гожусь*, не правда ли?

МУЖЧИНА. Через силу... Все через силу... И все это не имеет смысла.

ЖЕНЩИНА. Что? Что не имеет смысла?

МУЖЧИНА. Ты приходишь ко мне, потому что знаешь, что так должно быть. Потому что ты думаешь, что если не придешь ты, то придет другая. Ведь так ты думаешь.

ЖЕНЩИНА. Что ты говоришь! Как ты можешь говорить мне такое!

МУЖЧИНА. А зачем вообще не спим всю ночь и говорим не умолкая?

ЖЕНЩИНА. А затем, что...

МУЖЧИНА. Зачем ты все время говоришь мне о других женщинах?

ЖЕНЩИНА. А затем что...

МУЖЧИНА. Зачем? Целую ночь!..

ЖЕНЩИНА. А затем, что ты все время думаешь о других.

МУЖЧИНА. Не думаю.

ЖЕНЩИНА. Думаешь.

МУЖЧИНА. Ну а если и думаю - что с того? Я тебе не изменил.

ЖЕНЩИНА. Но ты готов это сделать.

МУЖЧИНА. Неправда.

ЖЕНЩИНА. Потому что я тебе не ровня. Потому что я никуда не похужу.

МУЖЧИНА. Что за глупости! Кто тебе сказал такое?

ЖЕНЩИНА. Ты, ты сказал. Только что.

МУЖЧИНА. Ты не так поняла меня.

ЖЕНЩИНА. Нет, я очень хорошо поняла тебя! Ну пусть - я ничто.

Не самая лучшая... Вообще пустое место. Тюремщица!
Преступница! Загнала в клетку лучшего поэта Болгарии. Заставила
его предать свою великую любовь. Он перестал писать. Забыл про
революцию. И ко всему прочему я не удовлетворяю его ночью.
Только мешаю ему спать. Выходит, меня нужно убить! Повесить!
Вниз головой.

МУЖЧИНА. Погоди.

ЖЕНЩИНА. Потому что я ни во что не гожусь. Даже в шлюху не
гожусь! В единственное, за что он меня взял.

МУЖЧИНА. Да погоди ты минутку.

ЖЕНЩИНА. Гожусь! Но не хочу.

МУЖЧИНА. Ты меня не поняла. Дело тут, наверно, в природном
предрасположении. И я ни в чем тебя не виню. Терплю. Молчу. Но
и ты пойми меня. Я могу иногда не совладать со своими нервами,
могу не сдержаться. Это ведь не так легко - иметь жену и в то же
время не иметь ее.

ЖЕНЩИНА. Значит, по-твоему, ты имеешь жену и в то же время
не имеешь? Значит, я тебе не жена?

МУЖЧИНА. Ты самая красивая и самая умная...

ЖЕНЩИНА. Следовательно, я не могу не любить тебя, так?
Знаешь, что я сейчас сделаю с этой твоей математикой? Я разобью
ее, разнесу, разорву на куски!.. *(Хватает стул, на котором
пиджак.)*

МУЖЧИНА. Что ты делаешь!

ЖЕНЩИНА. Кусаю! Твой пиджак. *(Встает у стены. В руке у нее
револьвер.)*

МУЖЧИНА. Лора, брось револьвер!

ЖЕНЩИНА *(говорит медленно, с паузами)*. Наверное, очень
тяжело, когда у тебя нет настоящей жены, но ты увидишь, что еще
тяжелей, если останешься без настоящего друга... Сейчас ты
поймешь это...

МУЖЧИНА. Брось револьвер, Лора! Он заряжен.

ЖЕНЩИНА (*приставляет дуло револьвера к груди*). Ты напишешь обо мне стихотворения. Ты столько написал о других. А теперь напишешь и обо мне. И я хочу, чтобы они были прекрасными. Я это заслужила.

МУЖЧИНА. Лора, убери револьвер, умоляю тебя!

ЖЕНЩИНА. Не двигайся! Не подходи!

МУЖЧИНА. Но револьвер пуст.

ЖЕНЩИНА. Как его зарядить?

МУЖЧИНА. Не надо! Нет смысла! Там нет пуль. Нет смысла.

ЖЕНЩИНА. Вот как? Нет пуль? (*Вытягивает ударник.*) Не двигайся!

МУЖЧИНА. Револьвер заряжен! Стоит нажать...

ЖЕНЩИНА. Ну? Стоит нажать...

МУЖЧИНА. Все, все что ты захочешь... как ты захочешь... все так и будет, только брось револьвер!..

ЖЕНЩИНА. Всю жизнь ты будешь плакать обо мне, всю жизнь. И знаешь почему? Потому что никто не будет любить тебя так, как я любила тебя.

МУЖЧИНА. Лора!

ЖЕНЩИНА. Я очень люблю тебя.

МУЖЧИНА. Не надо!

Выстрел. Мужчина вскакивает, подхватывает падающую Женщину.

Лора!.. Что ты наделала, Лора!.. (*Кладет ее на диван, пытается растегнуть платье, потом бросается в комнаты вовнутрь квар-*

тиры, кричит.) Госпожа!.. Господин Беленский... На помощь! Лора умирает!

Женщина пытается приподняться, потом скрючивается и падает с тахты на пол. Мужчина вбегает, становится на колени у тела Женщины, встает, не отрываясь смотрит на нее несколько секунд. Потом подходит к письменному столу, рвет лист бумаги, макает перо в чернильницу. Берет с пола револьвер, заряжает его, садится на стул. Несколько секунд смотрит на безжизненно лежащую на полу Женщину, приставляет револьвер к виску. Выстрел. Гаснет свет.

Загорается свет. Все предметы в комнате в белом. Женщина сидит на тахте, Мужчина – на стуле.

ЖЕНЩИНА.

*Спят воды вечные, безбрежные – бездонные,
Но не глядится в них небесный купол звездный.*

МУЖЧИНА..

*И бродим мы вокруг бессонные,
И содрогаемся перед безмолвной бездной.*

ЖЕНЩИНА.

*Спят воды вечные, бездонные – безбрежные,
Но их не осенит небес покров туманный...*

МУЖЧИНА.

*И мы глядим на них безмолвно, безнадежно,
И содрогаемся пред мрачной тайной.*

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА (вместе).

*Предвечные воды, всевечные воды -
Кристалльные,
Бездонно-безбрежные, маняще прохладные...
Но страшно нам пить, страдальцам бессонным,
Безнадежно замученным
Жажды палящей зноем...*

К о н е ц